

Старикова Наталия Валерьевна

врач-ортодонт, заведующая кафедрой детской стоматологии и ортодонтии ФГБНУ «Национальный НИИ общественного здоровья имени Н.А. Семашко», профессор кафедры ортодонтии ГБУЗ МО МОНИКИ им. М.Ф. Владимирского, доктор медицинских наук

Случай – псевдоним Бога,
когда он не хочет подписаться
своим собственным именем.
Анатоль Франс

Ничего в жизни не бывает случайным. Мы познакомились с Виталием Владиславовичем в 1991 году. После отработки диплома пришло время углубить знания в рамках ординатуры. По совету своих институтских преподавателей пришла в ЦНИИС к Рогинскому. Виталий Владиславович очень обрадовался и активно начал мне предлагать поступить в ординатуру по специальности челюстно-лицевая хирургия. Но я же ортодонт, объяснила я свою позицию, на том и расстались. Поступила на ФУС. Через год он мне позвонил и предложил работу ортодонтом в стационаре: «Знаю, что тебе еще год учиться, я буду ждать».

Так я пришла в Русаковскую больницу осенью 1993 года. Месяц оформляла свое рабочее место: кабинет, техническую комнату. Помню свой первый рабочий день. Расставляю все «богатства», приобретенные на сентябрьской выставке, как вдруг в кабинет заходит Виталий Владиславович: «Наталья, у меня через два часа операция, буду работать лазером на веке, мне нужна защита для глазного яблока, пациент в 3 палате». И вышел… Что делать? Иду в палату, смотрю ребенка, принимаю решение – новомодные приобретения на выставке как раз для этого случая. Получаю оттиск двухкомпонентной силиконовой массой (чтобы читателю было понятно, в то время мы работали массами стомальгин, упин), отливаю модель. Из чего же сделать «защитку»? На глаза попадается туба от фотопленки. Ура! Крышку тубы поместила в матрицедержатель, пламя зажигалки сделало ее пластичной, и осталось только наложить на модель и выдержать временную экспозицию. А дальше обработка полученной «защитки» – привычное дело для ортодонта. Захожу в кабинет к Виталию Владиславовичу, показываю. Он: «Хм… Отдай в стерилизацию… Сработаемся!». Вот и до сих пор не знаю, использовал ли мое творение профессор или это был экзамен?

А потом начались будни. Работа в стационаре. Да какая работа? Это была жизнь: подготовка пациентов к операции, амбулаторный прием, обсуждения, подготовка докладов на конференции, обеды, обходы…

Обход – это особое мероприятие. Не было в то время интернета, да и КТ только-только входила в нашу практику, а снимки рентгеновские – «театр черно-белых теней», их не так просто было читать, особенно молодым специалистам. К обходу надо было серьезно гото-

В.В. Рогинский и Н.В. Старикова

виться, толково доложить про пациента и предложить план лечения. Ох, как мы боялись этого пятничного мероприятия. У Виталия Владиславовича в то время было две «Нивы» белая и зеленая. Как дети, мы выглядывали из окон, смотрели на какой сегодня машине приехал Шеф. Если на зеленой, то обход будет беглым, Рогинский едет на охоту –примета верная, ну а если на белой, то… держитесь!

Сейчас понимаешь, что это и была школа – школа профессора Рогинского. Благодаря подготовке к обходам, обсуждениям, насмотренности накапливался опыт – тот багаж, который так необходим в профессии врача. Именно этому – быть врачом – и учил нас Виталий Владиславович. Видеть пациента, а за ним его жизнь и судьбу. Как он «закипал», когда в названии доклада звучала лишь нозология: «А пациент у тебя где? Для чего все это? Мы работаем для людей».

Обход нес не только знания, но и учил нас крепчать и держать удар. Самое неприятное было попасть в немилость, то есть проявить себя на обходе не очень… Ну, а если ты в немилость попал, то шеф тебя будет «шлифовать» на каждом обходе и обсуждении. Такое случилось и со мной. В 1997 году в Санкт- Петербурге проводился семинар профессора Шварца. Из ЦНИИС приехали специалисты, и мне посчастливилось тоже приобщиться. Шварц докладывал об опыте комплексного лечения пациентов со скелетными формами аномалий. Меня, как ортодонта, интересовала аппаратная составляющая, все подробно конспектировала и зарисовывала. Шефа, очевидно, интересовало компьютерное планирование лечения. В один момент он задал лектору едкий вопрос и «вывел на чистую воду импортного профессора». Как оказалось, все планирование немцы в операционной проводили, что вполне для того времени было очевидным, поскольку компьютерные технологии только зарождались. Рогинский очень был доволен своей прозорливостью.

А после командировки был обход, и я решила блеснуть теми знаниями, которые получила на семинаре. В палате рассказала о тройной фиксации после ортогнатической операции с использованием сплинта, межчелюстного связывания и лигатурного связывания через тело нижней челюсти и нижний край глазницы. Очевидно, Виталий Владиславович на семинаре был так увлечен моделированием, что пропустил ортодонтический раздел, и на обходе «погнал на меня волну»: «Что это, Наталия Валерьевна, у Вас за столярная терминология – сплинт? Вы еще скажите, что шурупами будете фиксировать». Возражать было бесполезно, ведь коллеги не присутствовали на конференции, поддержки не жди… И все сначала: надо было завоевывать доверие – самое дорогое и ценное в нашей работе. И такой случай представился опять на обходе. Обсуждали пациента с односторонней расщелиной, его ортодонтическую подготовку к ринохейлопластике. Докладываю о пациенте, но я в немилости у шефа, и он с недоверием отнесся к моему плану, считая, что я выбрала не тот фрагмент

альвеолярного отростка для перемещения. Я была уверена в своей правоте, и мне хватило выдержки не расплакаться как девчонке. Сказала, что сейчас не готова это обсуждать, зайду позже. После обхода на модели челюсти нанесла анатомические ориентиры лица, начертила схему на миллиметровой бумаге, нашла в монографии Б.Н. Давыдова подтверждение хода своих мыслей. Вооруженная этими фактами и плечом коллеги Л.В. Агеевой, убедила шефа. На следующем обходе Виталий Владиславович публично принес мне свои извинения за «необоснованный наезд», и с того момента доверие было восстановлено навсегда. Кстати, предложенное перемещение фрагментов альвеолярного отростка при ОРГН изящно изложено в работе уже моей диссертантки Н.В. Удаловой.

Масштаб личности Виталия Владиславовича определялся тем, что он не боялся окружать себя молодыми, креативными, талантливыми врачами. Он доверял нам и спрашивал, конечно, строго. Мы развивались и росли «под его крылом». Каждая защита диссертации – событие для каждого из нас, а для Рогинского - еще одна ступень в развитии специальности. Сколько он сделал для этого! Когда открылся детский корпус на Тимура Фрунзе, Виталию Владиславовичу уже было 75… Не для себя старания… Сколько сил положено для этого строительства и обустройства, все налажено его учениками: Д.Ф. Смирновым, М.Л. Стебельковой. Благодаря А.Л. Иванову плановая госпитализация сегодня, операция завтра, анестезиологическое пособие на контролируемой кровопотере – мечта! Живи, работай и радуйся, однако уже возраст… Но, это не для нашего руководителя! Виталий Владиславович занялся просветительской деятельностью: много выступал с докладами, публиковал статьи, писал книги и выпустил атлас, занимался благотворительностью – все на благо ребенка и развития специальности.

У него было удивительное качество разделять рабочие моменты и человеческое общение. Он мог бушевать на обходе, а зайдя в чайную комнату быть совсем другим, поддерживать беседу и слушать жизненные рассказы коллег. Он был в курсе всего, что происходило в нашей жизни. У нас с шефом была одна общая тема. Я держала охотничьих собак и не забавы ради. У меня рабочая подружейная собака была – сеттер, шеф от знакомых был наслышан о ее уникальных качествах и всегда с гусиной охоты или тяги привозил птичье крылышко – поноску для моей питомицы.

Охотничьи рассказы – особая тема в общении. Так и на посиделках перед Новым 2024 годом Виталий Владиславович оживленно рассказывал об охоте на маралов: «Да, хожу я плохо, но стреляю метко – в этом походе одной пулей уложил двух оленей».

Мы общались по телефону 30 апреля, обсуждали доклад по травме, очень его беспокоило, что до сих пор проводится металлостеосинтез при переломе мыщелкового отростка нижней челюсти у детей, ведь мы давно отказались от этого и лечим консервативно с использованием ортодонтических приспособлений. Очень ему хотелось до всего профессионального сообщества донести это, а 4 мая его не стало…

Для хирурга нет большего счастья, чем отказаться от операции!
(В.В. Рогинский)

В строю до конца и все во благо…

Я благодарна этому «случаю» – тому, как сложилась моя профессиональная жизнь под опекой моего наставника. Он был, есть и будет в знаниях, книгах, сердце.